М.В. ЛЯЛИН

ДИАГНОЗ ДЛЯ КНЯЗЯ

Михаил Лялин

Диагноз для Князя

«Автор»
2026

Лялин М. В.

Диагноз для Князя / М. В. Лялин — «Автор», 2026

В этом мире целители лечат светом: кладут ладони на рану и вливают живицу, молясь, чтобы хватило сил. Военный токсиколог и сосудистый хирург из нашего времени очнулся в теле опального студента-медика на ночном дежурстве в нищей больнице Петербурга 1905 года. Рядом на каталке умирала девушка, которую старший врач уже велел везти в мертвецкую. Он увидел то, чего не видел никто: проклятие живое, растёт, как грибница, и питается тем самым светом, которым его пытаются лечить. А всё, что растёт, можно вырезать.

© Лялин М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Диагноз для Князя. Том 1 5
Введение 5
Глава 1. В мертвецкую 6
Глава 2. Свет кормит тьму 9
Глава 3. Шарлатан 13
Глава 4. Живое 16
Глава 5. Ртуть 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Михаил Лялин
Диагноз для Князя

Диагноз для Князя. Том 1

Введение

Лечить нужно не болезнь, а больного. Но сначала — понять, чем он болен.
Из лекций по военно-полевой хирургии

В Российской империи 1905 года этого мира лечат светом.

Целители — дворяне с даром живицы — кладут ладони на рану, и из-под пальцев льётся белое сияние. Раны затягиваются, лихорадка уходит, сломанные кости срастаются. Иногда. Если у целителя хватит сил. Если болезнь не окажется сильнее. Если пациент не умрёт от истощения раньше, чем свет сделает своё дело.

Целители не знают, почему свет помогает. Не знают, почему иногда не помогает. Не знают, что такое кровь, лимфа, сосуды, нервы. Их учат молиться, сосредотачиваться и вливать. Чем больше вливаешь — тем лучше. Самые сильные целители живут во дворцах и берут за один сеанс годовое жалованье рабочего. Самые слабые сгорают к сорока годам.

А ещё в этом мире есть проклятия.

Боевые, наведённые, родовые. Чёрное цветение, сжигающее лёгкие за час. Костяная гниль. Сонная смерть. От них не спасает свет — их можно только перекрыть другим светом, ещё сильнее. Или купить эликсир Медицинской Гильдии, флакон которого стоит как дом на Невском.

Никто никогда не пытался проклятие разрезать.

Алексей Ремезов двадцать два года был военным врачом. Сосудистый хирург, токсиколог, полковник медицинской службы. Госпитали в горячих точках, отравленные, раненые, умирающие. Он знал, как устроен человек, — каждую артерию, каждый лимфатический узел. Знал, как действуют яды и как их обезвредить. Знал главное правило своей профессии: всё, что убивает, — подчиняется законам. Даже то, что кажется чудом.

Он очнулся в теле опального студента-медика. На ночном дежурстве в рабочей больнице на окраине Петербурга. Рядом с каталкой, на которой умирала девушка, которую все уже считали мёртвой.

И он увидел то, чего не видел никто в этом мире.

Проклятие было живым. У него были корни, побеги, споры. Оно росло в теле, как грибок. Распространялось, как инфекция. Оседало в лимфоузлах, как раковые клетки.

А всё, что растёт, — можно вырезать.

Это история о враче, который пришёл в мир чудес со скальпелем. И о том, что у каждого чуда есть анатомия.

Глава 1. В мертвецкую

— В мертвецкую её, Щербатов. Не стой столбом.

Голос был резкий, раздражённый, с немецким акцентом. Голос человека, которого разбудили среди ночи по пустяку.

Алексей Ремезов открыл глаза.

Запах ударил раньше, чем свет. Карболка. Гной. Мокрая шерсть. Керосин. Пот, кровь, моча, капустный суп — всё вместе, густо, как в полевом госпитале под Алеппо, когда водопровод разбомбили на третий день. Он знал этот запах. Запах больницы, в которой нет денег.

Потом — свет. Тусклый, жёлтый, мигающий. Две керосиновые лампы под потолком. Облупленные стены, выкрашенные до половины в грязно-зелёный. Деревянные лавки вдоль стен. На лавках — люди. Кто-то стонет. Кто-то кашляет. Кто-то лежит неподвижно, укрытый шинелью.

И прямо перед ним — каталка. Деревянная, на чугунных колёсах. На каталке — девушка.

— Ты меня слышишь, Щербатов? — Голос раздражённо повысился. — Или опять пьян?

Алексей повернул голову.

Рядом стоял человек лет шестидесяти. Невысокий, грузный, с седыми бакенбардами и красным лицом. В белом халате поверх сюртука. В пенсне. В руке — карманные часы на цепочке.

И тогда пришла память. Не его. Чужая.

Карл Фёдорович Фогель. Старший врач Петровской рабочей больницы за Нарвской заставой. Двадцать шесть лет стажа. Целитель четвёртой ступени — слабенький, но достаточный, чтобы раз в неделю вылечить пару важных пациентов из купеческого сословия и получить за это столько, сколько больница тратит на всех остальных за месяц.

А сам он — Лев Щербатов. Двадцать два года. Бывший студент Императорской военно-медицинской академии. Отчислен за полгода до выпуска — за то, что на анатомическом театре при всём курсе указал профессору Лилиенталю на ошибку в его лекции. Профессор утверждал, что целительный свет проходит по нервам. Студент Щербатов сказал, что по сосудам. И что это видно. Ему.

Потому что у Льва Щербатова был дар. Редкий, презираемый, бесполезный. Дар Зрячего. Он видел живицу. Видел, как течёт свет в теле, когда его вливает целитель. Видел, где свет застревает, где уходит в пустоту.

Но вливать свет он не мог. Почти совсем. Его собственной живицы хватало на то, чтобы снять головную боль. Не больше.

Зрячий без силы. Глаза без рук. Над этим смеялся весь курс.

После отчисления — долги, пьянство, работа фельдшером в самой нищей больнице столицы. Ночные дежурства. Шесть рублей в месяц и угол в каморке под лестницей.

Алексей медленно опустил взгляд на девушку.

Ей было лет восемнадцать. Может, девятнадцать. Светлые волосы, растрёпанные, слипшиеся от пота. Лицо — тонкое, бледное до синевы. Губы — синие. Глаза закрыты.

Платье. Дорогое — он понял это даже не глядя на ткань, по крою, по кружеву на вороте, по тому, как оно сидело. Шёлк, тёмно-синий. Изорванный в нескольких местах. Испачканный грязью. На подоле — следы чего-то тёмного, будто её волокли по мостовой.

Она дышала. Едва-едва. Мелко, часто, с присвистом. Грудь поднималась на сантиметр — и опускалась. Двадцать восемь вдохов в минуту, автоматически посчитал он. Тахипноэ. Дыхательная недостаточность. Минут сорок, может, час.

— Чёрное цветение, — сказал Фогель, не глядя на девушку. Он смотрел на часы. — Боевое проклятие. Шестой круг. Лёгкие выгорают за час. Ей уже ничем не помочь.

— Её можно попробовать… — начал Алексей. Голос был молодой, хриплый, чужой.

— Попробовать что? — Фогель поднял глаза от часов. Посмотрел на него поверх пенсне. — Ты знаешь, Щербатов, сколько нужно живицы, чтобы перекрыть Чёрное цветение шестого круга? Восьмая ступень. Минимум. У нас в больнице такого целителя нет. Во всём Петербурге их одиннадцать человек, и ни один из них не поедет за Нарвскую заставу в три часа ночи. — Он сложил часы. — А эликсир Гильдии от Чёрного цветения стоит четыре тысячи рублей. У нас в аптеке его нет. И не было никогда.

— Кто она?

— Неизвестная. — Фогель пожал плечами. — Извозчик подобрал на Обводном, у моста. Без документов, без сумочки. Ограбили, наверное. А может, сама — мало ли что у этих барышень на уме. — Он махнул рукой. — Свезёшь в мертвецкую. Утром придёт полиция, опишет. Если родные найдутся — заберут.

— Она ещё дышит, Карл Фёдорович.

— Через час не будет. — Фогель отвернулся. — Не стой столбом, говорю. У меня в третьей палате прободная язва у купца Сапожникова, которого привезли с Садовой. Вот он — заплатит. А эта — нет.

Он ушёл. Тяжело, по-стариковски ступая, хлопнув дверью.

В приёмном покое осталась сестра милосердия. Пожилая, лет пятидесяти, в сером платье и белом переднике, с крестом на груди. Марфа Тимофеевна — подсказала память. Двадцать лет в этой больнице. Единственный человек здесь, кто разговаривал со Львом Щербатовым по-человечески.

Она смотрела на девушку и крестилась.

— Господи, такая молоденькая, — шептала она. — Такая молоденькая…

Алексей не слушал. Он смотрел.

Дар Зрячего проснулся сам — не потому, что он его вызвал. Просто так, как просыпается привычка. Мир чуть сдвинулся. Поверх тела девушки, поверх платья, поверх кожи проступило то, что Лев Щербатов видел всю жизнь, — живица. Тонкие, едва светящиеся нити, текущие по телу. Золотистые, тёплые.

И чёрное.

Алексей замер.

Лев Щербатов, видя проклятие, видел бы просто чёрное пятно. Тень. Тьму, разъедающую свет. Так видели все Зрячие — он помнил это из учебников. Проклятие — это тьма, свет — это жизнь. Чтобы спасти — нужно залить тьму светом.

Алексей Ремезов, двадцать два года проработавший с отравленными и заражёнными, увидел другое.

Это было не пятно. Это была структура. Тонкие, ветвящиеся, чёрные нити — как грибница. Как мицелий плесени на хлебе. Они пронизывали лёгкие — оба, сверху донизу, — плотной сетью, и в местах переплетений набухали маленькими чёрными узелками. Почками. Спорами.

И нити росли. Он видел это. Медленно, едва заметно, но росли. Тянулись вглубь, к мелким сосудам лёгких, оплетали альвеолы. Каждая альвеола, оплетённая чёрным, гасла. Переставала светиться. Переставала дышать.

Он проследил нити. Откуда они шли.

И увидел.

Нити не начинались в лёгких. Они туда приходили. Из одного места. Из-под левой ключицы. Там, в глубине, за ключицей, у основания шеи, сидел комок. Чёрный, плотный, разме-

ром с грецкий орех. Он пульсировал. Медленно, ритмично, как сердце. И с каждой пульсацией из него в лёгкие уходила новая порция чёрных нитей.

Подключичный лимфатический узел. Надключичный, точнее. Узел Вирхова — сказал бы Алексей своим ординаторам.

Проклятие сидело в лимфоузле. Как метастаз. Как очаг инфекции. И оттуда, по лимфатическим путям, сеяло себя в лёгкие.

Если убрать очаг — нити останутся. Но перестанут расти. Без источника они начнут отмирать. Как отмирает грибница, если убрать гниющий пень.

А нити можно будет добить потом.

— Марфа Тимофеевна, — сказал Алексей. Голос был ровным. Он не узнал его сам. — Помогите мне отвезти её.

— Куда, Лёвушка? В мертвецкую?

— В операционную.

Сестра милосердия посмотрела на него так, будто он сказал что-то на чужом языке.

— В операционную? Лёва, ты что? Карл Фёдорович велел…

— Карл Фёдорович велел свезти её в мертвецкую через час. — Алексей взялся за ручки каталки. — У неё ещё час. Я хочу потратить его на что-нибудь полезное.

— Ты же не целитель! Ты свет вливать не умеешь!

— Я не собираюсь вливать свет, — сказал Алексей.

Марфа Тимофеевна смотрела на него. Долго. На его лицо — лицо Льва Щербатова, которое она знала полгода, — опухшее, небритое, с красными глазами. Но что-то в этом лице было не так. Не так, как вчера. Не так, как всегда.

Лев Щербатов был мальчишкой, сломанным, испуганным, пьющим.

Человек, который сейчас держал ручки каталки, — не был.

— Господи, помилуй, — прошептала Марфа Тимофеевна. И взялась за другой конец каталки.

Операционная Петровской рабочей больницы была маленькой комнатой в конце коридора. Деревянный стол, обитый клеёнкой. Шкаф с инструментами за мутным стеклом. Умывальник с медным краном. Керосиновая лампа с рефлектором над столом. Окно, заклеенное газетой.

Они переложили девушку на стол. Лёгкая — килограммов пятьдесят. Холодная.

Алексей подошёл к двери. Закрыл её. Посмотрел на засов — железный, ржавый, но крепкий. Задвинул.

— Лёва, — сказала Марфа Тимофеевна шёпотом. — Ты что делаешь? Карл Фёдорович…

— Карл Фёдорович в третьей палате. С купцом Сапожниковым. — Алексей подошёл к шкафу с инструментами. Открыл. Посмотрел. — Марфа Тимофеевна. Мне нужен спирт. Чистый, не денатурат. Сколько есть. И кипяток. И самая тонкая полая игла, какая есть в этой больнице.

— Игла? Для чего?

Алексей повернулся к ней. Посмотрел на девушку на столе. На её синие губы. На то, как она дышит — мелко, часто, с присвистом.

Двадцать восемь вдохов в минуту. Скоро будет тридцать. Потом — тридцать пять. Потом — остановка.

Он видел, как чёрные нити оплетают ещё одну альвеолу. И ещё одну.

— Для пункции, — сказал он.

Глава 2. Свет кормит тьму

Спирт Марфа Тимофеевна принесла из аптечного шкафа — полбутылки, мутного, с сургучной печатью Петровской больницы. Кипяток — в медном тазу. Иглу — из запертого ящика старшего врача, ключ от которого висел у неё на поясе вместе с ключами от бельевой и кладовой.

Игла была стальная, толстая по меркам двадцать первого века, но тонкая по меркам этого. С гранёной канюлей. И к ней — стеклянный шприц на двадцать кубиков, в бархатном футляре, с латунными кольцами для пальцев. Новенький. Немецкий. Купленный, видимо, на деньги купца Сапожникова или ему подобных и ни разу не использованный.

— Карл Фёдорович его бережёт, — шёпотом сказала Марфа Тимофеевна. — Говорит, для особых случаев.

— Это особый случай, — сказал Алексей.

Он вымыл руки. Долго, тщательно, до локтей — сначала мылом, потом спиртом. Марфа Тимофеевна смотрела на это с недоумением. Здесь так не мыли. Здесь целители мыли руки только перед тем, как сесть есть.

Потом он опустил иглу и шприц в кипяток. Подождал. Это было мало — по меркам его времени. Но лучше, чем ничего.

Потом подошёл к столу.

Девушка дышала. Тридцать один вдох в минуту. Губы — уже не синие, а серые. Кончики пальцев — тоже. Кислорода в крови оставалось всё меньше.

Алексей положил ладонь ей на грудь. Не чтобы вливать свет — чтобы смотреть. Дар Зрячего работал лучше при касании. Это он понял ещё в приёмном покое.

Чёрная грибница в лёгких. Плотная, ветвящаяся, растущая. И узел под левой ключицей — пульсирующий, как злое сердце.

Он смотрел на узел долго. Изучал. Так, как изучал когда-то на УЗИ лимфоузлы у раненых с подозрением на заражение.

И увидел то, чего не ожидал.

Вокруг узла — светилось. Тускло, едва заметно. Золотистый ореол. Живица девушки. Её собственная сила, которую тело в последней попытке защититься стянуло к очагу. Как иммунные клетки стягиваются к воспалению.

И узел этот свет — ел.

Алексей видел это совершенно ясно. Золотистые нити живицы касались чёрного узла — и исчезали. Втягивались в него. И с каждой такой нитью узел пульсировал сильнее. Выбрасывал в лёгкие новую порцию чёрной грибницы.

Проклятие питалось живицей.

Он медленно убрал руку.

Вот почему целители не могли его победить. Вот почему нужна восьмая ступень, чтобы перекрыть шестой круг. Целитель кладёт ладони на больного и вливает свет. Свет течёт к очагу — туда, где хуже всего, как течёт кровь к ране. И проклятие этот свет пожирает. Растёт. Становится сильнее. Чтобы его задавить, нужно влить столько света, сколько проклятие не успеет съесть. Восьмая ступень. Девятая.

А если не хватит — целитель сам кормит то, что убивает пациента.

То же самое, что поливать пожар бензином, надеясь, что бензин его потушит. Если его будет много.

— Марфа Тимофеевна, — сказал Алексей тихо. — Когда здесь лечат проклятых, их чаще всего что убивает? Само проклятие — или лечение?

Сестра милосердия долго молчала.

— Я двадцать лет здесь, Лёва, — сказала она наконец. — Я видела, как Карл Фёдорович лечил Костяную гниль у одного мастерового. Вливал три дня. Каждый день — всё хуже. На четвёртый тот помер. Карл Фёдорович сказал — сил не хватило. — Она перекрестилась. — А я подумала: если бы не вливал — может, прожил бы дольше.

Алексей кивнул.

Он не будет вливать.

Надключичная область. Он знал её наизусть. Двадцать два года он вводил туда катетеры, удалял оттуда опухоли, шил там артерии после осколочных ранений. Он знал, где проходит подключичная артерия. Где вена. Где купол плевры, который нельзя проколоть, чтобы не уронить лёгкое. Где нервное сплетение.

Лев Щербатов знал это хуже — учебник анатомии Гиртля за третий курс. Но руки Льва Щербатова знали другое. Они были молодые, твёрдые. И тонкие пальцы, которые на анатомическом театре препарировали лучше всех на курсе — это Алексей тоже помнил.

Он нащупал узел. Пальцами, через кожу. Твёрдый, увеличенный, горячий. Размером с орех, как он и видел.

Протёр кожу спиртом.

— Марфа Тимофеевна. Держите ей голову. Повернув вправо. Чтобы не дёрнулась.

Сестра милосердия взяла голову девушки в ладони. Руки у неё дрожали.

Алексей взял шприц.

Он думал. Быстро, как думал всегда в операционной, когда пациент умирал на столе.

Выкачать содержимое узла иглой — это первое. Если проклятие сидит в узле как взвесь, как гной в абсцессе, — его можно аспирировать. Физически. Без всякой магии.

Но этого мало. Если просто выкачать — проклятие может уйти глубже. Распасться на мелкие части. Разлететься по лимфе, как распадается опухоль при неосторожной биопсии.

Его нужно было сначала убить. Или хотя бы оглушить. Так, чтобы оно не успело среагировать.

Чем?

Он посмотрел на спирт.

В его прошлой жизни этанол использовали, чтобы склерозировать кисты, убивать опухолевые ткани точечной инъекцией. Спирт денатурирует белок, убивает клетки, обезвоживает. Грибы и плесень его не переносят. Если проклятие ведёт себя как грибок, — может быть…

Может быть.

Он не знал. Он ничего не знал про магию этого мира. Он знал только то, что видел. А видел он грибницу. Живую, растущую, питающуюся.

Всё живое можно убить.

Он набрал в шприц спирт. Немного. Самую малость. Потом — воздух, чтобы отделить. Потом вставил иглу.

Через кожу. Медленно. Под углом. Мимо артерии — он видел её пульсацию даром Зрячего, золотистую нить в глубине. Мимо вены. Мимо купола плевры.

Игла вошла в узел.

И узел дёрнулся.

Алексей видел это. Чёрный комок под ключицей — сжался. Как сжимается слизень, если ткнуть его палкой. Чёрные нити в лёгких дрогнули, будто натянулись.

Он ввёл спирт. Медленно. Каплю за каплей.

Узел начал сворачиваться. Чёрное ядро внутри него — тускнеть. Как тускнеет уголёк, если плеснуть на него воды. Нити, тянувшиеся от узла в лёгкие, — обмякли.

И тогда Алексей потянул поршень на себя.

В стеклянном цилиндре шприца появилась жидкость. Сначала — немного крови, светлой. Потом — что-то другое.

Чёрное. Густое. Как тушь. Как нефть.

Оно поднималось по игле в шприц медленными толчками. Пять кубиков. Десять. Пятнадцать.

Марфа Тимофеевна смотрела на шприц и шептала молитву. Голос у неё срывался.

Чёрная взвесь в стеклянном цилиндре — шевелилась.

Не как жидкость, которую взболтали. По-другому. Медленно, сама по себе. Как шевелится стая мелких рыбок в аквариуме. Как дрожжи в тёплой воде.

Живая.

Восемнадцать кубиков. Девятнадцать.

Алексей почувствовал, как узел под иглой опустел. Сдулся, как проколотый мяч.

Он вынул иглу. Прижал место прокола ватой со спиртом.

Теперь — нити.

Они остались в лёгких. Вся грибница, сотни тонких чёрных волокон. Обмякшие, тусклые, без источника — но не мёртвые. Алексей видел, как кончики некоторых из них всё ещё медленно шевелятся. Ищут. Тянутся друг к другу.

Если оставить — они срастутся. Найдут новый узел. Через день, через неделю. И всё начнётся сначала.

Их нужно было отрезать. От всего. От лимфы, от крови, от живицы, которой они питались.

У него не было сил вливать свет. Почти не было. Капля живицы — на то, чтобы снять головную боль.

Но капля — это не ноль.

Алексей положил ладонь девушке на грудь. Закрыл глаза. Нашёл в себе эту каплю — тонкую, слабую золотистую нить. Лев Щербатов всю жизнь пытался выдавить её из себя наружу, влить в кого-нибудь, — и всю жизнь у него не получалось. Потому что он пытался лить. Как все целители.

Алексей не стал лить.

Он вытянул эту нить. Тонкую-тонкую. Тоньше волоса. И повёл её внутрь — не к очагу, как текла бы обычная живица, а мимо. Вдоль лимфатического протока, по которому чёрные нити тянулись от узла к лёгким. Как ведут хирургическую нить вдоль сосуда, который нужно перевязать.

Он видел проток даром Зрячего. Тонкий, полупрозрачный. И чёрные нити внутри него.

Он обвёл проток своей золотистой нитью. Один раз. Второй. И стянул.

Лигатура. Перевязка. Как перевязывают кровоточащую артерию на поле боя.

Чёрные нити в лёгких дрогнули. Все разом. Будто им перерезали пуповину.

А потом начали гаснуть. Медленно, одна за другой, от кончиков к основанию. Как гаснут искры от костра.

Они не исчезали — Алексей видел, что их обломки, тусклые, мёртвые, остаются в лёгких. Организм выведет их сам. С кашлем, с мокротой, за несколько дней.

Но они больше не росли.

Алексей открыл глаза.

Капля живицы, которую он потратил, оставила после себя пустоту. Голова кружилась. Перед глазами плыли тёмные круги. Руки дрожали так, что он едва удержал шприц.

Он посмотрел на девушку.

Тридцать вдохов в минуту. Двадцать восемь. Двадцать пять.

Двадцать два.

Губы — всё ещё серые. Но уже не синие.

В дверь операционной заколотили. Сильно, с размаху.

— Щербатов! — Голос Фогеля, яростный, срывающийся. — Щербатов, открой немедленно! Мне сказали, ты увёз неизвестную в операционную! Открой, или я вызову полицию!

Алексей не ответил.

Он смотрел на шприц у себя в руке. На стеклянный цилиндр. На девятнадцать кубиков чёрной взвеси, которая медленно, лениво, сама по себе шевелилась за стеклом.

Она была живая. Он вытащил её из человека — а она всё ещё была живая.

— Марфа Тимофеевна, — сказал он хрипло. — Найдите пробирку. С притёртой пробкой. Самую толстую, какая есть.

Сестра милосердия смотрела на шприц. На чёрное. На девушку.

А потом девушка на столе вдруг — вдохнула.

Глубоко. Шумно. Полной грудью. Так, как не дышала, наверное, с того момента, как её подобрал извозчик на Обводном канале.

И закашлялась.

Глава 3. Шарлатан

Девушка кашляла долго. Мучительно, надрывно, сгибаясь пополам на операционном столе. Марфа Тимофеевна держала её за плечи, поворачивала на бок, подставляла таз.

В таз летело чёрное. Сгустки. Обрывки. Мёртвые нити грибницы, вымываемые из лёгких с мокротой. Тусклые, неподвижные. Не живые — Алексей проверил даром Зрячего. Мусор. Организм сам выбрасывал то, что больше не могло его убить.

Кашель стих. Девушка откинулась на клеёнку. Дышала. Тяжело, с хрипом, — но глубоко. Восемнадцать вдохов в минуту. Губы — бледные, но розовые.

Глаза оставались закрытыми. Она не пришла в себя. Но жила.

Алексей стоял у стола, держа в руке толстую стеклянную пробирку с притёртой пробкой, которую Марфа Тимофеевна нашла в лаборатории. Девятнадцать кубиков чёрной взвеси он перелил туда из шприца. Залил сверху спиртом — на всякий случай. Закрыл пробкой. Обвязал пробку бечёвкой.

Чёрное в пробирке по-прежнему шевелилось. Медленнее, чем в шприце. Вяло, будто сонное. Но шевелилось.

Он поднял пробирку к свету керосиновой лампы. Смотрел.

Это было похоже на культуру клеток под микроскопом. На взвесь бактерий в питательной среде. Миллионы мелких чёрных частиц, движущихся в жидкости по каким-то своим законам. Сбивающихся в комки. Распадающихся. Снова сбивающихся.

Живое.

Проклятие было живым организмом. Не тьмой. Не силой. Не волей колдуна. Организмом, у которого была масса, структура и, кажется, что-то вроде обмена веществ.

И его можно было достать из человека. Положить в пробирку. Изучать.

— Лёва, — прошептала Марфа Тимофеевна, глядя на пробирку. — Господи, Лёва. Что это?

— Не знаю, — честно сказал Алексей. — Пока не знаю.

В дверь снова ударили. На этот раз — не кулаком.

Удар был такой силы, что засов прогнулся. Со стены над дверью посыпалась штукатурка. Второй удар — и петли вырвало из косяка вместе с гвоздями.

Дверь рухнула внутрь.

В проёме стояли люди.

Не Фогель. Не полиция. Восемь человек в тёмно-зелёных мундирах с серебряным шитьём, в фуражках с чёрными околышами. Высокие, широкоплечие, одинаковые, как отлитые в одной форме. В руках — револьверы. Короткие, вороненые, со взведёнными курками.

За ними, в коридоре, — ещё столько же. И у стены, белый, как его халат, с трясущимися бакенбардами, — Карл Фёдорович Фогель.

Память Льва Щербатова выдала мундиры раньше, чем Алексей успел испугаться. Собственная Его Императорского Величества Тайная канцелярия. Гвардия. Особый отдел. Те, кого в Петербурге боятся больше, чем охранки, — потому что охранка хотя бы арестовывает. Тайная канцелярия просто забирает.

Первым в операционную шагнул офицер. Молодой, лет тридцати, с тонкими усиками, с холодными серыми глазами. Ротмистр — по погонам. Над правой бровью — шрам от сабельного удара.

Он посмотрел на стол. На девушку. На таз с чёрной мокротой. На Марфу Тимофеевну, которая прижалась к стене, крестясь. На Алексея — с пробиркой в руке, в окровавленном халате.

И лицо его исказилось.

— Взять, — сказал он.

Двое гвардейцев бросились к Алексею. Один выбил из его руки пробирку — Алексей успел только дёрнуться, — и пробирка полетела на пол.

Не разбилась. Покатилась по доскам, звякнув о ножку стола. Чёрная взвесь внутри неё дёрнулась, сбилась в комок.

Второй гвардеец заломил Алексею руки за спину. Ударил по ногам. Алексей рухнул на колени.

И ему в висок упёрся холодный ствол револьвера.

В коридоре послышались тяжёлые шаги.

Гвардейцы расступились. В проёме выбитой двери появился человек.

Лет пятидесяти пяти. Огромный — выше всех в комнате на полголовы, широкий, как дверь. Седые волосы, седые усы, седая бородка клинышком. Лицо — тяжёлое, с крупными чертами, с глубокими складками у рта. Шинель с бобровым воротником поверх генеральского мундира. На груди — звезда.

На его лице не было ничего. Ни гнева, ни горя. Только застывшая, мёртвая неподвижность — такая, какая бывает у людей, которые только что узнали самое страшное в своей жизни и ещё не успели в это поверить.

Память выдала имя. Не из личного знакомства — из газет. Из портретов. Из разговоров в курилке академии.

Князь Андрей Павлович Велецкий. Генерал-адъютант. Член Государственного совета. Глава одного из двенадцати Великих Домов империи. Человек, о котором говорили, что он может арестовать министра, не спросив у государя.

Он вошёл в операционную. Остановился у стола.

Посмотрел на девушку.

И Алексей увидел, как под этой неподвижностью что-то сломалось. Совсем чуть-чуть. Только губы дрогнули. И руки — огромные, в белых перчатках — сжались так, что лопнул шов на правой.

— Ксения, — сказал князь. Тихо. Хрипло.

За ним, в проёме, появился ещё один человек. Пожилой, сухой, в чёрном сюртуке с серебряной цепью на груди — знак Медицинской Гильдии. С гладко выбритым лицом и маленькими холодными глазами. Лейб-медик — подсказала память. Личный целитель Дома Велецких. Девятая ступень.

Лейб-медик подошёл к столу. Посмотрел на девушку. Протянул руку к её груди.

— Не трогайте её, — сказал Алексей.

Все повернулись к нему.

Он стоял на коленях. С заломленными руками. С револьвером у виска. В окровавленном халате, небритый, опухший, с красными глазами. Опальный студент. Пьяница. Фельдшер за шесть рублей в месяц.

— Ты, — сказал ротмистр. Голос был ледяным. — Ты, мерзость. Его сиятельству доложили, что княжна мертва. Что её тело привезли в эту богадельню. Что какой-то пьяный недоучка заперся с ней в операционной и глумится над телом. — Он наклонился ближе. Дуло револьвера вдавилось Алексею в висок. — Я лично прострелю тебе голову. Здесь. Сейчас. И ни один суд в империи меня не осудит.

Алексей не смотрел на ротмистра. Он смотрел на лейб-медика.

На его руку, которая замерла над грудью девушки. На то, как из-под пальцев начинает разгораться белый свет — сильный, яркий, девятая ступень. Свет, который сейчас польётся в

её тело. К лёгким. К тем мёртвым обломкам грибницы, которые ещё лежали там, ожидая, пока организм их выведет.

Мёртвым?

Алексей не был уверен. Он проверял даром Зрячего — они казались мёртвыми. Но если в них осталась хоть капля жизни, хоть одна спора…

Свет девятой ступени накормит её. Как накормил бы узел.

— Не вливайте, — сказал Алексей. Громко, отчётливо. Глядя лейб-медику в глаза. — Если вы сейчас вольёте в неё живицу, — проклятие проснётся. Оно питается светом. Вы её убьёте.

Лейб-медик замер. Его рука — над грудью девушки, со светом, разгорающимся под пальцами, — остановилась.

— Что ты сказал? — спросил он медленно.

— Чёрное цветение питается живицей. — Алексей говорил быстро, чётко, как докладывал на консилиумах. — Каждая капля света, которую вы вливаете, уходит в проклятие. Поэтому его не может перекрыть ничто слабее восьмой ступени. Вы не лечите — вы кормите. — Он кивнул на пол. — Вот оно. В пробирке. Я его достал. Из лимфоузла под левой ключицей. Иглой. Остатки — в лёгких, мёртвые, она их откашливает. Если вы сейчас вольёте свет — остатки могут ожить.

В операционной стало очень тихо.

Лейб-медик медленно опустил взгляд на пол. На пробирку, лежащую у ножки стола. На чёрную взвесь внутри.

Которая шевелилась.

Он смотрел на неё долго. Свет под его пальцами — дрожал, мерцал, не решаясь пролиться.

Князь Велецкий стоял неподвижно. Смотрел на Алексея. Потом — на дочь. Потом — на пробирку.

— Это ложь, — сказал ротмистр. — Ваше сиятельство, это шарлатан. Он пытается спасти свою шкуру. Ни один целитель в мире не может извлечь проклятие. Это знает любой ребёнок. Позвольте, я…

Он взвёл курок до упора. Щелчок прозвучал в тишине операционной оглушительно.

Алексей почувствовал, как дрогнуло дуло у виска. Как напрягся палец ротмистра на спусковом крючке.

Он не закрыл глаза. Не стал молиться. Не стал просить.

Он смотрел на девушку на столе. Восемнадцать вдохов в минуту. Губы розовые. Грудь поднимается ровно.

В прошлой жизни, в госпитале под Алеппо, его однажды уже держали на мушке — родственник раненого, которого он не успел спасти. Тогда он думал о том, что сделал всё, что мог.

Сейчас он думал о том же.

Палец ротмистра лёг на спуск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Глава 4. Живое

— Папа?

Голос был слабый, хриплый, едва слышный. Но в мёртвой тишине операционной его услышали все.

Ротмистр замер. Палец на спусковом крючке — замер.

Князь Велецкий медленно повернул голову.

Девушка на столе открыла глаза. Серые, мутные, растерянные. Смотрела в потолок. Потом — на отца. Губы её шевельнулись снова.

— Папа… Где я?..

Князь сделал шаг к столу. Потом второй. Опустился на колени — огромный, в шинели с бобровым воротником, прямо на грязный пол операционной Петровской рабочей больницы. Взял её руку в свою — в перчатке с лопнувшим швом.

— Ксеня, — сказал он. Голос сломался. — Ксенюшка. Я здесь. Я здесь.

Она закрыла глаза. Но не потеряла сознание — Алексей видел даром Зрячего, как ровно течёт её живица. Слабая, истощённая, но ровная. Без чёрных нитей. Без пятен. Просто спала.

В операционной никто не двигался. Восемь гвардейцев с револьверами. Лейб-медик с рукой, всё ещё поднятой над грудью девушки. Марфа Тимофеевна у стены. Фогель — в коридоре, за спинами гвардейцев.

И ротмистр. С револьвером у виска Алексея.

— Ротмистр, — сказал князь, не поднимая головы. Тихо. — Уберите оружие.

Дуло исчезло от виска.

Лейб-медика звали Аристарх Людвигович Штейнберг. Он стоял у стола и смотрел на пробирку в своей руке — Алексей сам поднял её с пола и протянул ему, когда гвардейцы отпустили его руки.

Смотрел долго. Минуту, две, три. Поворачивал к свету керосиновой лампы. Подносил к глазам. Отдалял.

Лицо его — гладкое, бесстрастное лицо человека, который сорок лет лечил князей, — медленно менялось.

— Это невозможно, — сказал он наконец. Тихо, будто самому себе.

— Проверьте, — сказал Алексей.

Штейнберг поднял на него глаза.

— Поднесите к пробирке палец. Не вплотную — на вершок. И чуть-чуть, совсем чуть-чуть, выпустите свет.

Лейб-медик смотрел на него с выражением, в котором смешались презрение, недоверие и что-то третье. Страх, понял Алексей. Страх человека, который вдруг увидел, что фундамент, на котором стояла вся его жизнь, — треснул.

Штейнберг поднёс палец к пробирке. Под ногтем засветилось — тонкая, едва видимая белая искра.

Чёрная взвесь в пробирке дёрнулась.

Вся. Разом. Сбилась в комок — и бросилась к стеклу. К тому месту, напротив которого светился палец. Ударилась изнутри — так, что пробирка дрогнула в руке. Прилипла к стеклу. Расплющилась по нему, как мокрица. И замерла, вытягивая к свету тонкие чёрные отростки.

Штейнберг отдёрнул руку. Свет погас.

Чёрная взвесь медленно, неохотно отлипла от стекла и опустилась на дно.

Лейб-медик стоял неподвижно. Бледный. С пробиркой в дрожащей руке.

— Оно… — прохрипел он. — Оно тянется к свету.

— Оно питается светом, — сказал Алексей. — Живицей. Как растение — солнцем. Как плесень — сахаром. Каждый раз, когда вы вливаете в проклятого больного живицу, оно получает пищу. Растёт. — Он помолчал. — Сколько ваших пациентов с Чёрным цветением умерли, Аристарх Людвигович?

Штейнберг не ответил.

Князь Велецкий поднялся с колен. Посмотрел на лейб-медика. Потом — на Алексея.

— Аристарх, — сказал он. — Это правда?

Лейб-медик долго молчал. Смотрел на пробирку.

— Я не знаю, ваше сиятельство, — сказал он наконец. Голос его был глухим. — Сорок лет я лечу проклятых. Сорок лет нас учили, что проклятие — это тьма, которую нужно залить светом. — Он поднял глаза. — Я никогда не видел проклятие в пробирке. Никто никогда не видел. Его нельзя извлечь. Это… — Он запнулся. — Это противоречит всему, что мы знаем.

— Значит, — сказал князь медленно, — вы знаете не всё.

Ксению увезли в половине пятого утра. На носилках, укрытую соболиной шубой отца, в закрытой карете с гербом Велецких — серебряный сокол на лазурном поле. Штейнберг поехал с ней. Перед тем как сесть в карету, он подошёл к Алексею.

— Что мне делать? — спросил он тихо. — Если не вливать.

Алексей посмотрел на него. На этого старого, сухого, надменного человека, который сорок лет был лучшим в своём деле — и только что узнал, что сорок лет делал не то.

Ему стало его жаль.

— Ничего, — сказал он. — Тепло. Покой. Питьё — много, тёплое, с мёдом. Пусть кашляет — это выходят мёртвые остатки. Если поднимется жар — обтирать водой с уксусом. — Он помолчал. — И ни капли живицы. Даже если будет хуже. Особенно если будет хуже. Хотя бы трое суток. Пока не выйдет всё.

Штейнберг смотрел на него долго.

— Откуда вы это знаете? — спросил он наконец. — Вы — студент. Отчисленный. Мне сказали — пьяница.

— Я много читал, — сказал Алексей.

Лейб-медик ничего не ответил. Сел в карету. Дверца захлопнулась.

Князь задержался. Стоял во дворе больницы, у кареты, в шинели с бобровым воротником, под мелким петербургским дождём, который начался перед рассветом. Ротмистр стоял за его спиной.

Алексей вышел во двор следом за носилками. Остановился в трёх шагах. Ждал.

Князь смотрел на него. Долго. На его лицо, на халат в чужой крови, на руки.

— Как вас зовут? — спросил он наконец.

— Щербатов. Лев Сергеевич.

— Щербатов. — Князь чуть нахмурился. — Не из тех ли Щербатовых, что…

— Из обедневших, ваше сиятельство. Очень дальних. Отец служил почтмейстером в Вологде.

Князь кивнул. Не презрительно. Просто принял к сведению.

— Мне доложили, — сказал он медленно, — что моя дочь мертва. Что её тело привезли в эту больницу. Что какой-то пьяный студент заперся с ней в операционной и делает что-то… непотребное. — Он повернул голову. Посмотрел на Фогеля, стоявшего у входа в больницу, белого, с трясущимися бакенбардами. — Я хочу знать, кто это доложил.

Фогель побелел ещё сильнее. Хотя, казалось, сильнее было нельзя.

— Ваше сиятельство, — пролепетал он. — Я… Я только сообщил в полицию, что поступила неизвестная… Полиция сама… Я не знал, что это ваша дочь… Если бы я знал…

— Если бы вы знали, — сказал князь ровно, — вы бы влили в неё весь свет, какой у вас есть. И она бы умерла. — Он помолчал. — А так вы просто велели свезти её в мертвецкую. Ещё живой.

Фогель открыл рот. И закрыл.

Князь отвернулся от него. Будто того больше не существовало.

— Ротмистр Зарубин, — сказал он, не оборачиваясь.

Офицер со шрамом над бровью шагнул вперёд. Тот самый, что пять минут назад держал револьвер у виска Алексея. Лицо его было неподвижным. Только желваки ходили под кожей.

Князь протянул руку. Зарубин достал из-за пазухи кожаный кошелёк. Тяжёлый, туго набитый. Князь взял его. Взвесил на ладони. И протянул Алексею.

— Здесь сто империалов, — сказал он. — Полторы тысячи рублей. Это — за сегодняшнюю ночь. — Он помолчал. — Если Ксения доживёт до вечера, — завтра вас ждут у меня во дворце. На Миллионной. Там мы поговорим о том, сколько стоит её жизнь на самом деле.

Алексей смотрел на кошелёк в своей руке.

Сто империалов. Полторы тысячи рублей. Льву Щербатову, получавшему шесть рублей в месяц, — двадцать лет жалованья.

— Ваше сиятельство, — сказал он. — Можно вопрос?

Князь чуть приподнял бровь.

— Чёрное цветение — это боевое проклятие. Его не подхватывают на улице. Его наводят. — Алексей помолчал. — Узел, в котором оно сидело, — под левой ключицей. Над ним, на коже, — я видел, когда обрабатывал, — маленькая царапина. Свежая. Как от булавки. Или от иглы на перстне. — Он посмотрел князю в глаза. — Кто-то подошёл к ней близко. Очень близко. И уколол. Прямо над лимфоузлом. Так, чтобы проклятие сразу попало туда, где ему лучше всего расти.

Князь молчал.

— Тот, кто это сделал, — продолжал Алексей, — знает анатомию. Знает, куда колоть. Это — не уличный колдун. Это — кто-то, кто учился.

Во дворе больницы стало очень тихо. Только дождь шуршал по крыше кареты.

Князь Велецкий долго смотрел на него. Потом медленно повернулся к ротмистру.

— Зарубин, — сказал он. — Вы слышали?

— Так точно, ваше сиятельство.

— Найдите.

Он сел в карету. Ротмистр захлопнул дверцу. Карета тронулась, разбрызгивая лужи, — и выехала со двора Петровской рабочей больницы.

Зарубин задержался. Посмотрел на Алексея. На кошелёк в его руке. На пробирку, которую Алексей так и не выпустил из другой руки.

— Щербатов, — сказал он негромко. — Я держал у вашего виска револьвер. Взведённый. Ещё полсекунды — и я бы выстрелил.

— Я знаю.

— Вы не попросили пощады. Не закрыли глаза. — Ротмистр помолчал. — Почему?

Алексей подумал.

— Потому что я смотрел на пациентку, ротмистр, — сказал он. — Она дышала. Я хотел досмотреть.

Зарубин долго смотрел на него. Потом коротко кивнул. Козырнул — небрежно, двумя пальцами. И ушёл догонять карету.

Алексей остался во дворе. Один, под дождём. С кошельком, в котором было двадцать лет жалованья. И с пробиркой, в которой медленно, сонно шевелилось живое проклятие.

Он поднёс пробирку к глазам. Посмотрел.

Чёрная взвесь не двигалась. Спала. Но внутри каждой частицы, если смотреть даром Зрячего очень внимательно, — что-то едва заметно пульсировало.

Как сердце.

Наверху, в окне второго этажа, стоял Карл Фёдорович Фогель и смотрел на него. С таким выражением лица, с каким смотрят на человека, которого очень хотят убить.

Глава 5. Ртуть

Утренние «Петербургские ведомости» вышли с заметкой на второй полосе.

«Чудесное спасение. Минувшей ночью в Петровской рабочей больнице за Нарвской заставой была спасена от смертельного боевого проклятия княжна Ксения Андреевна Велецкая, дочь генерал-адъютанта князя А. П. Велецкого. По сообщению главного врача больницы, действительного статского советника доктора И. С. Мельникова, исцеление стало возможным благодаря применению новой методики, разработанной им лично…»

Алексей прочитал заметку в половине девятого утра. В каморке под лестницей, где жил Лев Щербатов. Газету принесла Марфа Тимофеевна — бледная, с поджатыми губами.

— Лёва, — сказала она. — Это ещё не всё.

Она положила на стол второй лист. Не газету — казённую бумагу, с печатью больницы.

«Приказ № 214 по Петровской рабочей больнице. Фельдшера-практиканта Щербатова Л. С. уволить за систематическое пьянство и нарушение дисциплины с 1 числа текущего месяца. Главный врач И. С. Мельников».

С первого числа. Задним числом. Две недели назад.

Алексей смотрел на приказ и почти улыбался.

Красиво. Если Щербатов был уволен две недели назад, — значит, этой ночью он не был фельдшером. Значит, не мог находиться в операционной на законных основаниях. Значит, всё, что он делал, — самоуправство постороннего лица. А спасла княжну — методика главного врача, применённая дежурным персоналом. То есть Фогелем. По указанию Мельникова.

Одна бумага — и чужая заслуга становится своей.

В его прошлой жизни так делали заведующие отделениями, которые подписывались первыми под статьями ординаторов. Ничего не изменилось. Ни в мире, ни во времени.

— Где он сейчас? — спросил Алексей.

— Главный врач? — Марфа Тимофеевна поджала губы ещё сильнее. — В холле. Там газетчики. Трое. Он им рассказывает про свою методику.

Алексей встал. Сунул приказ в карман. Пошёл к двери.

— Лёва, — сказала Марфа Тимофеевна ему в спину. — Не надо. Он тебя сотрёт. У него связи в Гильдии. В Думе. Везде.

— Я знаю, Марфа Тимофеевна, — сказал Алексей. — Я только задам ему один вопрос.

В холле Петровской рабочей больницы было людно. Человек двадцать — врачи, сёстры, санитары, больные из ходячих. Трое газетчиков с блокнотами. Фотограф с треногой и магниевой вспышкой.

И главный врач.

Игнатий Саввич Мельников. Пятьдесят восемь лет. Высокий, представительный, с окладистой седой бородой и румянцем во всю щёку. В безупречном сюртуке, с орденом Святой Анны на шее и серебряной цепью Медицинской Гильдии на груди. Целитель шестой ступени — по меркам этой больницы, светило.

Он стоял у лестницы, со стаканом чаю в серебряном подстаканнике, и говорил. Красиво, звучно, с паузами.

— …именно поэтому, господа, я давно утверждаю, что в борьбе с боевыми проклятиями важна не только мощь живицы, но и её направленность. Точечное воздействие на очаг. Я разрабатываю эту методику уже несколько лет и вчера, наконец…

Он увидел Алексея и замолчал.

В холле стало тихо. Все повернулись. Санитары, сёстры, газетчики.

Алексей прошёл через холл. Остановился в трёх шагах от главного врача.

— Доброе утро, Игнатий Саввич, — сказал он.

Мельников смотрел на него. Румянец на его щеках чуть побледнел, но улыбка осталась.

— Щербатов, — сказал он снисходительно. — Вам разве не передали приказ? Вы здесь больше не работаете. С первого числа.

— Передали. — Алексей достал приказ из кармана. Развернул. — Вот он. Номер двести четырнадцать. Подписан вами. Датирован первым числом.

Газетчики переглянулись. Фотограф поднял голову от треноги.

— Значит, — продолжал Алексей ровно, — две недели я не работал в этой больнице. И не получал жалованья. — Он посмотрел на главного врача. — Странно. Потому что я получил жалованье за эти две недели. Позавчера. Под расписку. В конторе. Шесть рублей. — Он помолчал. — И в журнале ночных дежурств за эти две недели моя фамилия стоит девять раз. Подписи Карла Фёдоровича Фогеля — рядом. Журнал в ординаторской. Его можно посмотреть.

В холле стало совсем тихо.

Мельников перестал улыбаться.

— Это… это ошибка канцелярии, — сказал он. — Разберёмся. Вы свободны, Щербатов.

— Конечно, — сказал Алексей. — Я ухожу. Сам. По собственному желанию. — Он сложил приказ и убрал в карман. — Только, Игнатий Саввич, позвольте один вопрос. Как врач — врачу.

Мельников молчал.

— Давно у вас дрожат руки?

Главный врач замер. Стакан с чаем в его руке — Алексей видел — дрогнул. Чуть-чуть. Едва заметно. Чай качнулся в стекле.

Он видел это ещё полминуты назад, когда подходил. Мелкий тремор пальцев. Не стариковский — другой. Ритмичный, частый. И ещё — дёсны. Когда Мельников улыбался газетчикам, Алексей заметил на краю дёсен тонкую сизую кайму.

И даром Зрячего — то, что видеть мог только он.

Живица главного врача текла неровно. Не так, как у здорового целителя. Ядро — светящийся узел силы в центре груди — было покрыто мелкими тёмными пятнами. Будто ржавчиной. А от ядра по каналам живицы расползались серые нити. Тонкие, ломкие, похожие на трещины в старом фарфоре.

Алексей видел такие трещины в прошлой жизни. Не в живице — в нервной ткани. На снимках МРТ у пациентов с хронической интоксикацией тяжёлыми металлами.

— Сизая кайма на дёснах, — сказал он. Негромко, но в тишине холла его слышали все. — Тремор пальцев. Ритмичный, мелкий, усиливается при волнении. Раздражительность. Бессонница. Металлический вкус во рту. — Он помолчал. — И ваше ядро живицы, Игнатий Саввич. Я — Зрячий. Я его вижу. Оно в пятнах. Как ржавчина. И от него идут трещины. По всем каналам.

Мельников побелел. Совсем. До синевы.

— Это… это клевета…

— Вы принимаете эликсир, — сказал Алексей. Это был не вопрос. — Эликсир Гильдии. Для поддержания силы. Каждый день. Несколько лет. — Он посмотрел на серебряную цепь на груди главного врача. — Я не знаю, что в нём, Игнатий Саввич. Но я знаю, как выглядит отравление ртутью. Сизая кайма на дёснах — первый признак. Тремор — второй. Через год — начнётся распад ядра. Через два — паралич. Вы перестанете ходить. Потом — говорить.

В холле кто-то ахнул. Одна из сестёр уронила поднос.

Главный врач стоял неподвижно. Стакан в его руке дрожал теперь так, что чай выплёскивался на пол.

— Если перестанете принимать, — сказал Алексей, — сегодня, — ядро начнёт восстанавливаться. Медленно. Года за два. Сила вернётся не вся. Но вы сможете ходить. — Он помолчал. — Если не перестанете — я уже сказал.

Он повернулся и пошёл к выходу.

Никто его не остановил.

У двери он обернулся.

— И, Игнатий Саввич. Методику, которой вы вчера спасли княжну, — запатентуйте поскорее. — Он чуть улыбнулся. — Потому что я тоже собираюсь её применять. И мне будет интересно посмотреть, как вы объясните Гильдии, почему ваша методика заключается в том, чтобы не вливать живицу вообще.

Дверь за ним закрылась.

Фотограф, оправившись первым, нажал на спуск. Магниевая вспышка выхватила из полумрака холла главного врача Петровской рабочей больницы — с трясущимися руками, с пролитым чаем на сюртуке, с лицом человека, которому только что вслух, при всех, прочитали его смертный приговор.

Эта фотография вышла в вечерней «Петербургской газете». На первой полосе.

Во дворец на Миллионной он пришёл в шесть вечера.

Его ждали. Лакей в ливрее с серебряными соколами провёл его через анфиладу залов — мрамор, позолота, портреты, хрусталь, — в небольшую гостиную на втором этаже. Там, в кресле у камина, сидел князь Велецкий. Без мундира, в домашнем сюртуке. Рядом — Штейнберг.

— Жива, — сказал князь вместо приветствия. — Спит. Кашляет. Жара нет. Аристарх говорит — лучше, чем вчера.

— Лучше, — подтвердил лейб-медик. Он смотрел на Алексея с выражением, которое было трудно прочитать. — Я не влил ни капли. Как вы сказали. Мне было… трудно. — Он помолчал. — Она откашляла ещё почти стакан чёрного. Мёртвого. Я проверял.

Алексей кивнул.

Князь долго смотрел на него.

— Я видел вечернюю газету, — сказал он наконец. — Мельникова. — Чуть заметно усмехнулся. — Это правда? Про ртуть?

— Правда, ваше сиятельство.

— Он принимает эликсир Гильдии. — Князь повернулся к Штейнбергу. — Аристарх. Вы тоже принимаете?

Лейб-медик молчал. Долго.

— Двадцать лет, — сказал он наконец. Тихо.

Алексей посмотрел на него даром Зрячего. Ядро Штейнберга — мощное, яркое, девятая ступень — было покрыто пятнами. Гораздо гуще, чем у Мельникова. Только Штейнберг держался лучше — сила была больше, и распад шёл медленнее.

— Перестаньте, Аристарх Людвигович, — сказал Алексей. — Сегодня.

Лейб-медик смотрел на него. Потом медленно опустил глаза.

Князь молчал долго. Огонь в камине трещал.

— Щербатов, — сказал он наконец. — Я хочу предложить вам должность. Младший лекарь Дома Велецких. Жалованье — двести рублей в месяц. Квартира во флигеле. Вы будете при Ксении, пока она не выздоровеет. Потом — при мне. При Доме.

Алексей молчал.

— Вы отказываетесь, — сказал князь. Не вопрос.

— Я благодарен, ваше сиятельство. Но да.

— Почему?

Алексей подумал.

— Потому что во дворце Велецких у меня будет одна пациентка. А за Нарвской заставой — тысячи. — Он помолчал. — Там, где умирают, потому что эликсир стоит четыре тысячи, а целитель восьмой ступени не поедет на окраину в три часа ночи. Я хочу открыть свою практику. Там, где она нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.